

Т.В. Горячева

Харьков

ОСОБЕННОСТИ ВОПЛОЩЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ОБРАЗА «ВЕДЬМЫ» В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Л. СЕМЕНОВА

Стаття присвячена осмисленню особливості втілення поетичного образу відьми в спадщині поета Срібного віку Л.Д. Семенова. Робиться спроба виявити його генезис, зв'язок з народнопоетичними витоками і з релігійно-філософськими пошуками межі століть, встановлюється кореляція з центральним образом російського символізму – образом Софії.

Ключові слова: російський символізм, поетичний образ, генезис, міфопоетика.

Статья посвящена осмыслению особенности воплощения поэтического образа ведьмы в наследии поэта Серебряного века Л.Д. Семенова. Предпринимается попытка выявить его генезис, связь с народнопоэтическими истоками и с религиозно-философскими поисками рубежа столетий, устанавливается корреляция с центральным образом русского символизма – образом Софии.

Ключевые слова: русский символизм, поэтические образ, генезис, мифопоэтика.

The article deals with peculiarities of embodiment of the poetic image of a witch in the works by the Silver age poet L.D. Semenov. The article attempts to study genesis of the image of a witch, its ties with folk sources, religious and philosophical search at the turn of the XX century; correlation with the central image of the Russian symbolism – image of Sophia is identified.

Key words: Russian symbolism, poetic image, genesis, mythopoetics

Наряду со всеми представителями «младшего» поколения символистов Л. Семенов развивает своим поэтическом творчестве софийный миф-инвариант В. Соловьева. Поэт использует множество имен, символизирующих Вечную Женственность: «подруга», «барышня», «Солнце», «Царица», «Дева», «Премудрость», «Родительница», «Жертва», «Белая лилия», «голубица», «юница». Хотелось бы дополнить этот список «масок» Софии еще одной, представляющей немалый интерес. Речь идет о том, что в поэтическом мире Л. Семенова София воплощается в образе «ведьмы».

Такая своеобразная ипостась Софии противоречит центральному мифу творчества символистов. Как известно, мифопоэтика «младосимволизма» выстраивается на идее двоимирия и представляет собой достаточно стройную иерархическую структуру. В поэзии Л. Семенова представитель нижнего мира, отождествляемого с миром мертвых, и являющегося приютом упырей, колдунов, русалок, становится одной из ипостасей Божественной Премудрости. Л. Семенов выходит за рамки мифа-инварианта, придавая его центральному образу оттенки в народно-поэтическом ключе. Представляется интересным выявить специфику образа «ведьмы» в творчестве Л. Семенова и, таким образом, раскрыть еще одну своеобразную грань созданного поэтом образа Софии, а также определить причины обращения писателя к фольклорным истокам.

Стихотворный цикл «На перекрестке и во храме», состоящий из двух стихотворений: «На перекрестке» и «Жрец», вышел в конце 1905-го года в альманахе «Северные цветы ассирийские» издательства «Скорпион». В этот год одно за другим следовали переломные события в жизни Л. Семенова. Январские события 1905-го года и знакомство с М. Добролюбовой определили приоритеты Л. Семенова. Поэт бросил учебу и посвятил себя революционной деятельности. Он занимался агитацией, целью которой было убедить жителей деревень вступить в Крестьянский союз. В ноябре и декабре этого же года Л. Семенов вел революционную работу среди крестьянства в Старооскольском уезде Курской губернии. Время публикации и, вероятно, создания цикла совпадает с периодом нового для писателя опыта активного взаимодействия с крестьянством. Л. Семенов впервые так близко знакомится с народным мировосприятием. Красота и естественность народных верований оплодотворили его творческую мысль, и художник создал оригинальный образ «светлой ведьмы».

«Ведьма» Л. Семенова не страшная старуха, а молодая красавица – природная ведьма, «мудрая женщина, воплощающая в себе разрушительные и добрые силы» [3, с. 225]. Образ «светлой ведьмы» в творчестве Л. Семенова созвучен славянскому мифологическому образу Берегини. Согласно легендам, Берегиня – это «великая богиня, породившая все сущее» [5, с. 15]. Она олицетворяет добрые силы природы, покровительствующие человеку. Существуют народные поверья, в которых говорится, что в Берегинь превращались просватанные невесты, умершие до свадьбы, девушки, которые покончили с собой из-за измены коварного жениха. На Троицу, в пору цветения ржи, Берегини приходили на землю с того света, плели венки, водили хороводы, заманивали красивых молодых людей. По истечении Троицкой недели Берегини покидали землю. Подобный миф, по всей видимости, лег в основу стихотворения Л. Семенова «На перекрестке».

По элементам портретных описаний, имеющимся в стихотворении, можно восстановить целостный облик «ведьмы», как он представлялся поэту. «Молодая колдунья», манящая «юностью и загадками», сладострастная и «жадная до страха», пленяющая «не людской красотой» [7, с. 62]. Отдельного внимания заслуживает символика одеяния ведьмы: «Я жду. Вот белая рубаха / Мелькнет над рожью в полумгле» [7, с. 62]. Белый цвет является свето-цветовым центром лирики Л. Семенова. Поэт понимает этот цветовой образ как некий мистический знак, указывающий на божественную, сакральную природу предмета, его излучающего. Он облачает ведьму в белую рубаху, таким образом, подразумевая ее высокое служение.

В чертах данного образа отчасти ощутим дух «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя. Надо отметить, что Л. Семенов отходит от классического гоголевского прочтения образа «ведьмы». В его представлении она не «веселая чертовщина», как понимал этот образ М. Бахтин и не творящий зло, вызывающий страх у живых «выходец с того света», как говорит о ней А. Гольденберг [4, с. 15]. Переключка с гоголевской «ведьмой» заключается в сходных фольклорных праобразах.

В творчестве современников поэта этот образ не так часто встречается и во многом отличается от образа, созданного Л. Семеновым. В поэзии Ф. Сологуба «ведьма» – это всегда посланник «темного» мира :«Злая ведьма чашу яда / Подает, –

и шепчет мне...» [8, с. 25]. Она обладает мистическими знаниями и может укрощать стихии магическими заклятиями, но для нее неприемлемо творить добро и нести свет человечеству. Лирический герой Ф. Сологуба даже предпринимает попытку сжечь «ведьму», но огненная стихия не причинила ей вреда, а только «восстановила ее красу»: «Я сжечь её хотел, колдунью злую. / Но у неё нашлись проклятые слова, – / Я увидал её опять живую, – / Вся в пламени и в искрах голова» [8, с. 25].

Несколько ближе восприятию Л. Семенова образ «ведьмы», созданный К. Бальмонтом. Его «колдунья» предстает как страшной старухой, так и необыкновенной красавицей: «Я встретил ведьму старую в задумчивом лесу» [1, с. 186], «И в костре возникла Ведьма, в ней и страх и красота, / Длинные волосы седые, но огнем горят уста, / Хоть седая – молодая, красной тканью обвита. / Странно мне знаком злорадный жадный блеск зеленых глаз, / [2, с. 202]. Лирический герой поэта представляет «ведьму» как некую «просветленную» сущность, владеющую знаниями, недоступными для человека. Кризис познания, волнующий умы той поры, заставляет писателя направить своего лирического героя к мистическим силам. Он приходит к «колдунье» чтобы узнать тайну Красоты: «Колдунья, Колдунья, ты ярко-светла, / Но видишь, я светел, как ты. / Мне ведомы таинства Блага и Зла, / Не знаю лишь тайн Красоты» [2, с. 206].

Восприятие образа «ведьмы» в поэзии Ф. Сологуба сходно с представлениями о нем, отображенными в творчестве К. Бальмонта, прежде всего в том, что она является представительницей царства зла. «Ведьма» может предстать молодой красавицей или уродливой старухой, но в обоих случаях встреча с ней не принесет счастья лирическому герою. Она повелевает стихией, но не близка природе, покровительствующей человеку. В то время как в творчестве Л. Семенова, «ведьма» амбивалентна. Подобное свойство образов в творчестве «младосимволистов» отмечено З. Минц. Исследовательница говорит о том, что «сложные и антиномичные образы символистов всегда тяготеют, с одной стороны, к амбивалентности, снятию оппозиций и “синтезированию” противоположностей в едином лирическом или объективированном персонаже (ср. образ “Христа Демона” в творчестве А. Блока), а с другой – к расчленению единого образа на множество “двойников”, “масок” и “личин”» [6, с. 85]. Поэт создает образ «Софии-ведьмы» как завершенное единство, слияние божественного и демонического. С одной стороны поэт остается в рамках основного мифа символизма, с другой весьма необычно «оттеняет» его центральный образ.

Стремление к мистической встрече – основной мотив анализируемого стихотворения. Как представляется Л. Семенову, единственно возможным фоном для такого события может быть природа. Лирический герой спешит на встречу, назначенную «в новолунье» «на перекрестке трех дорог» у ржаного поля. Л. Семенов – поэт природы. Природа в его творчестве условно-поэтическая. Это не пейзажная лирика, описывающая какое-либо живописное место, это мистический пейзаж, который в сознании поэта ассоциируется с ожиданием чуда.

Образ «новолуния», в сопровождении образа-символа «перекресток» наполняет стихотворение мистическим содержанием:

Как вор, я, отрок, в новолунье,
Переступив родной порог,
Пробрался к молодой колдунье

На перекресток трех дорог [7, с. 62].

Новолуние – период, когда «луна затемняется или утрачивает самостоятельность по мере приближения к солнцу», воплощает мистический символ «опустошения психики при соединении с Богом, Христом» [9, с. 138] и ассоциируется с бессознательным [9, с. 142]. В стихотворении Л. Семенова лирический герой в новолуние, в момент очищения сознания и власти бессознательного, отходит от Бога и ищет просветления в народных верованиях. Он идет к ведьме, языческому олицетворению Софии. Встреча должна произойти на перекрестке, который во всех культурах является магическим местом, точкой, где сливаются время и пространство, где возможна встреча с трансцендентными силами. В лирике Л. Семенова этот образ символизирует выбор и единство противоположностей.

Художник называет цикл «На перекрестке и во храме». Здесь, думается, открывается стремление автора показать, насколько народная вера – язычество – отлична от христианства и насколько они неразделимы, сосуществуя века как гармоничное единство в душах народа.

Произведение, «противостоящее» в рамках цикла стихотворению «На перекрестке», получило название «Жрец». Л. Семенов воссоздает мироощущение человека средневековья, сознание которого проникнуто идеей бренности земного телесного существования и стремлением как можно быстрее покинуть земной мир. Наиболее очевиден контраст в последних строфах стихотворений:

Я жду. Вот белая рубаха
Мелькнет над рожью в полумгле,
И с ведьмой – жадною до страха –
Я припаду к родной земле [7, с. 62].

и

В бесстрастии от богов – мне высшая награда:
Любви жестокий жар я остудил в себе
И жду бестрепетно, когда моя лампада
Иссякнет медленно в мерцающей мольбе [7, с. 63].

Познание женщины-ведьмы юной, полной загадок, неземная красота которой заставляет трепетать лирического героя, в первом стихотворении цикла противопоставлено существованию жреца, «остудившего» в себе жар любви, дни которого проходят «неслышной чередою», которому чужд «песен звон» и «шум кровавых битв» [7, с. 63]. Картина природы в стихотворении «На перекрестке» символизирует земную свободу, которой буквально упоен лирический герой, в то время, как мир жреца ограничен стенами храма, но свобода иного рода – духовная – кажется ему более притягательной: «И я люблю мой храм, его немые своды, / Задумчивую тень от сумрачных колонн... / Здесь все мне говорит о торжестве свободы / В сознании радостном, что жизнь – минутный сон» [7, с. 62].

Л. Семенов создал своеобразный образ Софии, который в его творчестве соединяет в себе божественное и демоническое, и находит воплощение в образе «ведьмы». Поэт, в отличие от большинства современников, иначе воспринимал образ мистической «колдуньи». В его стихотворениях она, хотя и является представительницей демонического мира, тем не менее, несет добро и является «светлой» сущностью, славянской природной ведьмой – Берегиней. В образе

«светлой» «ведьмы» сосредоточено восприятие Л. Семеновым народной веры – язычества.

В цикле поэт противопоставляет мир народа и мир интеллигенции, язычество и христианство. Л. Семенов представляет язычество как естественную природную веру, наиболее полно удовлетворяющую духовные искания человека. Исконная вера, хранящаяся в народной душе противопоставлена «нездешним божествам» [7, с. 63] христианства. Поэт воспринимает народную веру как синтез языческих и христианских истин, слияние, которое искали и к которому стремились «старшее» и «младшее» поколения символистов. Художник уверен, что это именно такой должна быть новая религия, во власти которой было вернуть утраченные корни славянских верований, вернуться к своим истокам и одновременно сохранить святые истины православия.

Библиографические ссылки

1. Бальмонт К.Д. Будем как Солнце. Книга Символов – М.: Книгоиздательство «Скорпион». 1903. – 293с.
2. Бальмонт К.Д. Избранное – М.: Изд-во «Правда». – 1990. – 607с.
3. Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов / Пер. с нем. Г. Гаева. – М.: Крон-Пресс. – 1988. – 512с.
4. Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя: монография. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена». – 2007. – 261с.
5. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Русские легенды и предания. – М.: Изд-во Эксмо. – 2004. – 208с.
6. Минц З. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Блоковский сборник III. – 1979. – С. 76–120.
7. Семенов Л.Д. Сихотворения. Проза. / Подготовка издания, примеч., стат. Вадима Баевского. – Москва: Наука (Литературные памятники). – 2007. – 578с.
8. Сологуб Ф.К. Собрание сочинений – Т.5 – Спб.: Изд-во Шиповник. – 1910. – 234с.
9. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика. / Аге А. Ханзен-Лёве. – Спб: Академический проект, 2003 – 815с.